

фактов, которые сохраняют структуру этих событий, являются их прототипами. Армстронг подробно анализирует зависимость между положениями дел, универсалиями и единичными вещами, которые являются их примерами.

Так называемый аргумент факторов истинности в работе «Мир положений дел» Армстронга состоял в обосновании онтологической основы положений дел. Для мыслителя исследование этого основания составляет необходимую часть изучения статуса положений дел в их зависимости друг от друга.

Таким образом, положения дел, согласно Дэвиду Армстронгу, принимают форму факторов истинности в онтологии мира, который описывается в терминах универсалий и материальных объектов, которым они идентичны. Универсалии имеют отражение, реализуются в единичных и неединичных вещах, которые формируют положения дел.

Примечания

1. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // Л. Витгенштейн. Философские работы. Ч. I. М.: Гнозис, 1994.
2. *Armstrong, David.* A world of states of affairs. Cambridge University Press, 1997.

Л. С. Соловьева
г. Волгоград, ВолГУ

«СВОБОДА ЕСТЬ НЕРВ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ»

«Альфой и омегой всякой философии является свобода», — писал Ф. Шеллинг в одном из писем к Гегелю [2. С. 222]. Обогащая друг друга, философия и свобода переплетаются в нераздельном единстве на протяжении всей истории человеческой мысли. При этом можно говорить о двояком значении свободы по отношению к философии. Во-первых, свобода выступает как предмет философского осмысления, как центральная тема, занимающая умы мыслителей широчайшего спектра школ и направлений от античности и до наших дней. Непреходящая актуальность данной проблемы породила точку зрения, согласно которой «основной вопрос философии состоит вовсе не в том, что первично, но в вопросе

о свободе воли: определяется ли все сущее в мире естественной причинностью или существуют действия (точнее поступки), происходящие беспричинно – по свободному действию воли поступающего субъекта» [7. С. 567].

В истории философии можно выделить несколько подходов к пониманию сущности человеческой свободы. Так, например, Сократ полагал, что свобода дается в познании; свободным является то существо, которое одарено разумом, освобождающим от порабощения низшим влечениям своей природы. В дальнейшем мы находим развитие этих взглядов в философии Б. Спинозы, считающего свободным лишь того человека, который «руководствуется одним только разумом» [6. С. 185]. Сходную позицию занимал и Г. В. Лейбниц, видевший «высшее совершенство человека не только в том, что он действует свободно, но и в том, что действует разумно; пожалуй, это даже одно и то же, потому что, чем человек свободнее, тем реже его разум приходит в замешательство под натиском аффектов» [3. С. 182]. Таким образом, в рамках данного подхода свобода выступает синонимом разумности.

Впоследствии такая позиция подверглась критике со стороны Э. Фромма, утверждавшего, что человек приобретает свободу, реализуя свою личность. Одного только разума, подавляющего аффекты и опекающего человеческую натуру, для реализации личности недостаточно. Последнее, согласно Э. Фромму, достигается не только усилиями мышления, но и путем активного проявления всех эмоциональных возможностей человека. Иными словами, свобода предполагает спонтанную активность всей целостной личности человека. При этом важным моментом в концепции Э. Фромма является необходимость осознания человеком самого себя в качестве независимого и отдельного существа. В зависимости от степени такого осознания меняется и объем доступной человеку свободы.

Еще одна трактовка сущности свободы базируется на соотношении свободы и необходимости. В истории философии данный подход представлен именами И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, А. Шопенгауэра.

Второе значение, приобретаемое свободой по отношению к философии, заключается в определении свободы как коренной черты самой философии, отражающей независимость и самобытность различных философских систем. С. Н. Булгаков писал: «свобода есть

нерв философствования» [1. С. 79], подчеркивая, что при философской разработке имеет значение не содержание, но качество, не тема, которая дана, но исполнение, которое задано. Свобода философского творчества выражается в том, что возможны различные философские системы на одну и ту же тему, и это нисколько не подрывает принципиального значения философии. Ибо единой, абсолютной философской системы, которая вмещала бы абсолютную истину, вообще не существует.

В этой связи представляется немаловажным то, что философия выступает не только формой познания, но и формой творчества. И как всякое творчество, она требует от человека отваги: «он должен оставить берег и пуститься в безвестное плавание, результат не обеспечен, он может не вернуться на берег, потеряться, а то и погибнуть в волнах. Но лишь такое путешествие сулит какие-либо открытия. Свобода философствования, как и всякая свобода, имеет в себе известный риск, но в свободе и состоит ее царственное достоинство» [1. С. 80].

Итак, достоинство философии определяется ее творческим характером, бесконечностью познавательного потенциала, стремлением к неуклонному постижению истины. Последнее обстоятельство сегодня приобретает особое значение, поскольку современный человек усматривает прямую связь между прогрессом научного познания и улучшением форм жизни. Как отмечает Б. В. Марков [4. С. 95], в европейской метафизике освобождение связывается с рефлексией над понятиями. Поскольку институты общества рассматриваются как реализация идей, то первичной фигурой исторического процесса выступает мыслитель, подвергающий устаревшие понятия критике и создающий на основе диалектического синтеза новые мыслительные конструкции, которые затем должны быть воплощены в жизнь. Отсюда и проистекает, казалось бы, парадоксальное утверждение, что мыслящий человек даже в тюрьме оказывается более свободным, чем люди, живущие на воле, так как он располагает более совершенной идеей свободы.

При всей личностной значимости свободы, философами неоднократно отмечался присущий человеку страх перед ней, стремление «убежать от свободы», избежать связанной с нею ответственности. Это ставит перед философией новые задачи. Конечно, людей нельзя заставить быть свободными, но можно попытаться убедить их быть свободными. По мнению Р. Рорти,

именно такое убеждение сегодня выступает в качестве специфической задачи философии. Американский мыслитель пишет: «раньше, когда мы думали больше, чем сейчас, о вечности, и меньше о будущем, мы, философы, определили себя как служителей истины. Но теперь мы больше говорим о правдивости, чем об истине, больше о том, чтобы сила была справедливой и меньше о том, чтобы истина восторжествовала. Я считаю, что это – здоровые перемены. Истина вечна и неизменна, но трудно быть уверенным, что ею владеешь. Правдивость, как и свобода, временна, случайна и непрочна. Но мы можем знать, что ими обладаем. В самом деле, свобода, которую мы ценим, по большей части есть свобода быть честными друг с другом и не нести за это наказания. В полностью темпорализованном интеллектуальном мире, где исчезли надежды на уверенность и неизменность, мы, философы, могли бы определить себя как служителей такого рода свободы...» [5. С. 34].

На наш взгляд, такого рода задача, задача убеждения, может быть рассмотрена как одна из ведущих, практических задач современной философии.

Примечания

1. *Булгаков С. Н.* Свет невечерний: Созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994. – 415 с.
2. *Гегель Г. В. Ф.* Работы разных лет: в 2-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1973. – 630 с.
3. *Лейбниц Г. В.* Замечания к общей части Декартовых «Начал» // Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1984. – С. 165 – 218.
4. *Марков Б. В.* Философская антропология: очерки истории и теории. – СПб.: Издательство «Лань», 1997. – 384 с.
5. *Рорти Р.* Философия и будущее // Вопросы философии. – 1994. – № 6. – С. 29 – 34.
6. *Спиноза Б.* Этика. – М.:Л.: Соцэкгиз, 1933. – 224 с.
7. *Шрейдер Ю. А.* Загадочная притягательность философии (субъективные заметки) // Как это было: воспоминания и размышления. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 547 – 578.